

УДК 930.85(470+571)

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕФОРМ 1990-х гг.
В РОССИИ ОЧЕВИДЦАМИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Н.Л. Лопатина

Анализируется социокультурное восприятие реформ 1990-х гг. в России на основе высказываний бывших колхозников, рассматривается их отношение к реформам 1990-х гг.

Ключевые слова: крестьяне; реформы; Б.Н. Ельцин; уровень жизни.

THE SOCIOCULTURAL PERCEPTION OF REFORMS 1990-s
IN RUSSIA BY THE EYEWITNESSES OF COLLECTIVIZATION

N.L. Lopatina

The article analyses the sociocultural perception of reforms of the 1990th in Russia on the basis of statements of the former collective farmers and considers their relation to reforms of the 1990th.

Keywords: peasants; reforms; B.N. Yeltsin; quality of life.

Принято считать, что большинство россиян, особенно люди старшего поколения, не приняли реформы 1990-х, проводимые президентом страны Б.Н. Ельциным. В 1990-е Кемеровский научный фонд “Исторические исследования”, используя жанр “устная история”, провел опрос 149 бывших колхозников 1903–1934 гг. рождения из разных социальных слоев деревни. Респонденты в основном из Кемеровской области, отчасти Новосибирской области и Алтайского края (по современному территориальному делению), а так же бывших жителей Украины, Белоруссии и др. Опрос очевидцев коллективизации проводился в 1990-е – нач. 2000-х гг. По результатам опросов были опубликованы монографии [2–4]. Наряду с вопросами о коллективизации респондентов просили выразить свое отношение к реформам. В статье приведены типичные высказывания респондентов.

Мнение о политике Б.Н. Ельцина у респондентов разделилось и оказалось для исследователей неожиданным. Опрос показал, что чем старше респондент независимо от его социального и материального статуса, тем был больший шанс услышать от него одобрение реформ 1990-х гг. А А.Ф. Панкратов (1907 г. р.) даже заявил: “В целом в годы реформ жизнь лучше наладилась. К старым порядкам все возвращается” [3, с. 34]. Респон-

дент имел в виду под “старыми порядками” досоветский строй. Л.В. Баландина (1908 г. р.) в свои 90 лет говорила: “Я пережила три власти. Но из всех мне нравится новая”. Она выразила полную поддержку реформаторам. Крестьянка заявила, что советская власть сама себя изживала, поскольку плановая экономика неперспективна [3, с. 37]. А.З. Михайлова (1906 г. р.) говорила в 1999 г.: “...что нынешняя власть хочет перебить нашу тяжелую жизнь на доколхозную. На старину! Бояюсь, однако, что трудно это сделать” [3, с. 29]. “Я полностью поддерживаю нынешних реформаторов. Правда, надо признать, ими недовольны многие. Но, что, ни говори, они сделали большое дело! А за временные неурядицы их не надо винить”, – сказала Н. Варвара Ивановна (1914 г. р.) [3, с. 77].

Интервью с 69 бывшими колхозниками, родившихся до середины 1920-х показали, что только 7 человек проявили негативное отношение к реформам. Никак не высказались по этому поводу 15 человек. Их равнодушие к вопросу можно расценить как отсутствие негативных эмоций в адрес реформ. Подавляющее большинство респондентов этой возрастной категории поддержали реформирование страны Б.Н. Ельциным.

Респонденты, родившиеся позднее, меньше поддерживали демократические реформы. Их

оказалось около 50 %. Видимо, причины такой в целом дружной поддержки рыночных реформ людьми преклонного возраста следует искать не только в экономической, но и в социокультурной области. Люди, помнившие досоветский и доколхозный периоды, знали высокую цену частной собственности, свободному творческому крестьянскому труду. При Б.Н. Ельцине появились демократические свободы – право выбора, свобода вероисповедания и т. п., что также отвечало социокультурным запросам людей старшего поколения. Веками российский крестьянин жил в самоуправляемой общине, где даже во времена крепостного права вопросы решались миром на принципах демократии.

Вопрос возвращения религии особенно важен для людей, получивших религиозное воспитание еще в царское время. В их понимании религия являлась не только культом, но и системой нравственных ценностей, регулятором поведения людей. “Знали, что Бог все видит, за все может наказать или благодарить. И не воровали поэтому” [3, с. 209]. “В доколхозной деревне крестьяне жили намного лучше. И, кроме того, они все время верили в Бога и помнили заповедь “не укради”. Поэтому и замков на домах в доколхозной деревне не было” [3, с. 148]. С религией вернулись религиозные праздники, о которых с особой теплотой вспоминали люди старшего поколения.

Восприятие реформ 1990-х гг. оказалось адекватным их воспитанию в детстве и юности. Сами они фактически так и объясняют свое одобрение либеральных реформ. Ф.К. Лапина (1918 г. р.) заявила: “Самая лучшая жизнь была тогда, когда мы вели единоличное хозяйство!” [3, с. 162]. И.А. Шишков (1918 г. р.) утверждал: “Сейчас жизнь становится легче. Правда, люди почему-то никак не хотят этого понять” [3, с. 167]. “В годы реформ жизнь меняется в лучшую сторону. Только медленно. А вот в плохую сторону нашу жизнь коммунисты тогда быстро изменили”, – сказала в 1997 г. А.К. Правада (1914 г. р.) [3, с. 111].

Респонденты, чье социокультурное формирование личности прошло в условиях только коллективного хозяйствования, в меньшей степени оказались способными понять и принять возвращение частной собственности. Но и среди них были те, кто впитал от родителей ценности свободной экономики, уважительного отношения к труду и др. Культурная революция, главной целью которой было воспитание “нового” советского человека, советская идеология сформировали отрицательное отношение к частной собственности, к демократическим ценностям. Новый советский человек

целенаправленно был ориентирован властью на гарантированное социализмом равенство при отсутствии частной собственности. Формировалось отрицательное отношение к демократическим ценностям и понимание бесперспективности и даже опасности своего участия в политической жизни страны. Поэтому не случайно, когда в стране были объявлены свободные демократические выборы, значительная часть советских людей разных возрастных категорий игнорировали выборы. А когда рассматривался вопрос о введении частной собственности, многие граждане выступали категорически против.

Когда проводился опрос в 1990-е гг. людей, помнивших дореволюционную Россию или первые годы советской власти, осталось в стране уже немного, среди наших респондентов их число также было незначительным. Причиной тому является не только возраст. Этнографические данные свидетельствуют, что российские крестьяне в царское время жили до 90, 100, 120 лет [1, с. 132; 5, с. 55]. До 70 лет не знали болезней, а в 70 были полны здоровья и силы, выполняли работу под силу молодым [5, с. 55]. Поколению ровесников советской власти или людей постарше пришлось пережить перманентный голод, репрессии, сверхэксплуатацию, войну, послевоенное восстановление страны. Поэтому родившихся в начале века носителей дореволюционной культуры осталось немного. Значительная часть людей почтенного возраста, живших в 1990-е гг., воспитывалась советской властью через молодежные организации – пионерия, комсомол. Хотя на них оказывала влияние семья, но культурная революция боролась с этим влиянием, как с архаикой и отжившим прошлым. Поэтому для них чужды понятия частной собственности, свободы, что для людей, помнивших досоветский строй, являлось данностью.

Из негативных сторон реформ респонденты отмечали маленькую пенсию и рост цен. Однако они признавали, что в колхозе пенсий вообще не было. “А в колхозе мы про пенсию ничего не знали. Работали, пока ноги носят” [3, с. 42]. “В колхозе пенсионеров не было – работали все. Никто не учитывал стаж работы. Не было никаких социальных пособий” [3, с. 64].

О пенсиях, которые появились в 1960-е гг., респонденты отзывались пренебрежительно, считали, что ее не достаточно было для проживания. В их рассказах звучала даже обида за столь низкую оценку советским государством их труда в колхозе “от зари до зари”. “Пенсионеры у нас были. Правда, не сразу, а в 60-м году. Когда я пошла на пенсию, то получала 28 руб. Но на эту пенсию я могла

купить фуфайку, галоши, сахару, мыла, да еще на хлеб оставалось” [3, с. 95].

Инфляция, невозможность приобрести товар из-за роста цен порождали негативное отношение к реформам. “Какие-то несчастные накопления на черный день по-хамски обесценены. Пенсия уменьшилась в 3–4 раза. А цена на все! А квартплата и услуги!” [3, с. 215]. Но респонденты признавали, что они и раньше не могли приобретать товар в магазинах. В период коллективизации у них отсутствовала денежная заработная плата. Их труд оплачивался натурой раз в год по трудодням. По их признанию, они практически ничего не получали. “Ничего мы не получали! Частушка такая была: “Колхознички-канареечки, проработал год без копейки”. Было даже так, что работали мы, работали, но и 300 граммов хлеба на трудодень не получали. Живи, как хочешь!” [3, с. 78]. Когда при Н.С. Хрущеве появилась денежная заработная плата, крестьяне также не могли покупать товар из-за дороговизны. Говорили, что в магазинах все было, а купить не могли. “Крестьянину всегда нужно хозяйство вести. Денег вечно нет. А про колхозные времена я уж и не говорю. Там только работа” [3, с. 210].

Можно предположить, что выделенные негативные стороны реформ особенно о материальном благополучии людей связаны именно с демократическими свободами, с провозглашением свободы слова, когда стало возможным безбоязненно говорить обо всем. Респонденты признавали, что в советское время, особенно в период коллективизации, практически ни о чем нельзя было говорить. Даже разговоры об условиях труда могли быть расценены как политические и за это получить уголовное наказание. “Все тогда знали, что за малейшее лишнее слово можно угодить “под статью”. Хотя разговоры про работу – это ведь тоже политика” [3, с. 168].

В 1990-е гг. многочисленные оппоненты Б.Н. Ельцина публично критиковали его за снижение материального уровня населения. Эта тема в 1990-е гг. была одна из приоритетных в обществе не только из-за реального экономического положения, но и из-за активного ее культивирования. В годы советской власти объективно снижался жизненный уровень, но эта тема была под запретом. В годы реформ у людей появилась возможность критиковать власть. Поэтому можно говорить, что критика реформ имеет во многом и социокультурные основания.

Значительная часть бывших колхозников, даже если не признавала конкретно проводимые реформы, отмечала необходимость перемен в стране.

“Может быть, реформы нужно было в другую сторону делать. Только в какую? Что-то нужно было менять. Это безусловно” [3, с. 210].

Часть респондентов негодовало по поводу свободы и проводимых демократических выборов. Они отмечали, что их поколение привыкло к силе и жило в страхе. “Люди к силе привыкли. Без нее они как бараны без пастуха... Сейчас свободы много, поэтому и беспорядок” [3, с. 211]. “Голосовали за того, за кого начальство скажет. Это сейчас напишут, и не знаешь, кого выбрать. Кто лучше, не разберешь” [3, с. 357]. Привыкшие действовать в тоталитарном обществе по указанию, люди ощутили социокультурную неподготовленность к свободе выбора. Для них оказалось сложным делать выбор и быть за него ответственным.

Видимо, для людей, которые пережили социальный эксперимент построения социализма, коллективизацию, голод, войну, реформы 1990-х не были ошеломляющим экономическим потрясением. “В годы реформ жизнь изменялась по-разному, смотря с чем сравнивать” [3, с. 225]. “Все пережили, все стерпели! Нам не привыкать!” [3, с. 142].

Можно предположить, что негативное отношение к реформам был связан с тем, что для большинства реформы показали несостоятельность “светлого будущего”, которое они строили. Люди старшего поколения переживали фрустрацию (обман надежд), поэтому многие говорили об отсутствии национальной идеи, идеала. В 1990-е стало очевидно для наших граждан, что люди капиталистических стран материально живут значительно лучше. Стало понятно, что для благополучной жизни не надо “затягивать пояса”, жертвовать собой во имя “светлого будущего”. “Мы все стали жертвами!” [3, с. 168]. “Посмотришь, считаешь, как люди на Западе живут. И обидно делается за нашего человека” [3, с. 210]. “Старое вспомнила. И вижу, что ни одного яркого воспоминания мне из своей жизни что-то не приходит. Пожелаю ли я детям такой судьбы? Господи, помилуй!” [3, с. 354].

Бывшие колхозники стали свидетелями того, как молодые люди в 1990-е гг. с меньшими, чем у них трудовыми затратами материально жили значительно лучше. Пожилые люди о своей жизни говорили, что они знали только работу. “Ведь работали без выходных, отпусков и праздников. Работали, как проклятые! Все знают, что мы, старики, сейчас плохо живем. Так мы и раньше плохо жили” [3, с. 42]. Почти никто (за незначительным исключением) не бывал на курортах, за границей. В период коллективизации у них не было выходных, больничных, декретов, отпусков. Даже самую скромную мебель в доме, первый холодильник

и телевизор они приобретали с большими усилиями через 5–10 и более лет после свадьбы. “Сначала в доме появился телевизор, году в 1962, то есть через 17 лет после свадьбы, а холодильник в 1968-м, – через 23 года” [3, с. 225].

Рассказы респондентов демонстрируют цельность социокультурного восприятия советской и постсоветской власти людьми почтенного возраста. Они переносили отношение к советской власти на власть новую. Так, например, понималась материальная компенсация за раскулачивание. “Теперь вот за раскулачивание, постигнувшее нашу семью, я получила прибавку к пенсии. Там еще какие-то льготы. Это государство таким образом пытается заглядеть вину перед нами!” [3, с. 152].

Респонденты как негативный момент отметили появление платных медицины и образования. “Как трудно ни жилось до войны и после войны, было бесплатное образование и лечение. А теперь за все плати” [3, с. 271]. Подавляющее большинство респондентов сообщило, что не все из них окончили даже 4 класса средней школы. Поэтому они и не знали, что до 1956 г. за учебу в старших классах средней школы, техникумов и вузов платили. Но миф о бесплатном советском образовании вошел в культуру нашей страны. При этом никто из респондентов не говорил о доступности образования и медицинского обслуживания (у колхозников до Н.С. Хрущева не было больничных и декретов).

Респонденты пытались объяснить причину тяжело проводимых реформ через социокультурную призму. Многие считали, что советская власть уничтожила традиции, культуру труда, отучила людей работать. “Все уничтожили. Корень крестьянской жизни и уничтожили! Откуда теперь взять силы, чтобы страна выправилась?!” [3, с. 212].

Таким образом, на восприятие реформ бывшими колхозниками оказала влияние социокультурная реальность, в которой прошло формирование и воспитание респондента. Чем старше респондент, тем больше вероятность была получить от него одобрение реформам 1990-х, поскольку они

напоминали им “возврат на старину”. Они имели представление о результативности свободного труда, наличии частной собственности и свободы. Респонденты, чье социокультурное формирование прошло только в социалистической стране, меньше поддерживали реформы. Однако и они (около 50 %) высказывали одобрение реформам, поскольку сказывалось на их миропонимании воспитание родителей. Очевидно, что на отношение к реформам повлияли социокультурные установки, формируемые в годы советской власти (неприятие частной собственности, отсутствие свободного труда, наличие страха перед властью и т. п.).

Можно предполагать, что в атмосфере свободы слова произошел перенос отношения к советской власти, которую нельзя было критиковать, на власть демократическую. Интервью показали, что обозначенные респондентами негативные стороны жизни в 1990-е гг. имели место и в советское время. Поэтому можно с уверенностью говорить, что на социокультурное восприятие реформ также оказали влияние выступления оппозиционеров Б.Н. Ельцина, наличие демократических свобод и свободы слова.

Литература

1. *Горянин А.* Мифы о России и дух нации / А. Горянин. М.: Pentagraphic, 2002. 335 с.
2. *Лопатин Л.Н.* Антилиберализм и либерализм в Кузбассе / Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. М.: Новый фактор, 2003. 103 с.
3. *Лопатин Л.Н.* Коллективизация и раскулачивание: очевидцы и документы свидетельствуют / Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Кемерово: Аксиома, 2009. 445 с.
4. *Лопатина Н.Л.* Коллективизация 30-х годов XX века и ее влияние на изменение социокультурного облика российской деревни: по воспоминаниям очевидцев / Н.Л. Лопатина. Кемерово: КузГТУ, 2005. 137 с.
5. *Максимов С.В.* Куль хлеба / С.В. Максимов. Л.: Лениздат, 1987. 655 с.